

Ольга Ивановна лихорадочно трёт лоб, пытаясь сложить все факты в единую киноленту. Как зритель в кинотеатре, перед которым на экране одна сцена следует за другой, один кадр сменяет следующий, она лишь наблюдает за игрой света и тени на экране. Ей никак не удаётся навести резкость, и пока лишь в неясных очертаниях она догадывается о том, о чём лучше бы и вовсе не знать.

У покойного Петровича были какие-то секреты с Михалычем. Ночью он впустил его к себе в квартиру, а на другой день был мёртв. Несчастный случай? Как бы не так! Старик Петрович за это время пить уже научился, и не надо ей рассказывать сказки о том, что он случайно выпал из окна. Как будто он когда-нибудь у себя проветривал. Ну, может, разве что летом, чтобы впустить в квартиру немного тёплого воздуха.

Когда она шла к Ирине Николаевне, где-то глубоко в душе она ещё сомневалась в правдивости Мишиного рассказа. Дети ведь непредсказуемы, наговорят вам, что им в голову взбредёт. А вот Николаевна – тёртый калач: мимо старой дворничихи и мышь без следа не проскочит. Нелегко придётся тому, кто захочет от неё что-нибудь скрыть. А эти два, видимо, этого и хотели. Что-то спрятать в подвале. Ведь и о Мише Николаевна знала, что тот там рыскал.

Только вот что значит этот павлин, о котором говорил мальчик? Вот этого ей недостаёт – словно пустой кадр в киноленте. Белый павлин, белый павлин... Что она вообще знает о белых павлинах? Ольга Ивановна перебирает в памяти, откуда выныривают лишь белые пернатые из зоопарка, в котором она когда-то была с маленькой Сашей. Прекрасные, нежные создания цвета только что выпавшего снега, с осторожной походкой, при которой чуть кивают головой. Птица неправильных пропорций, с малюсенькой головой и телом, больше чем у гуся, и при этом такая грация. А этот веер! Тончайшее кружево вместо обычного птичьего хвоста из перьев... Венчанная Афродита царства птиц!

Однажды мёртвого павлина нашли на железнодорожных путях. Об этом даже писали в газетах – как же, загадка в сезон затишья. Лежал он там без каких-либо следов столкновения с поездом, и так и осталось неизвестным, как он вообще там оказался. Потом птицу перевезли в ветсанутиль, чем всё дело и закончилось. Да кому собственно была интересна судьба какой-то там птицы? «Мне, мне!» – хочется выкрикнуть Ольге Ивановне.

Что общего между смертью Петровича и каким-то там павлином? Где они его вообще взяли? И зачем хотели спрятать? Принести домой мёртвую птицу? Полная ерунда! Конспиративное имя? Пароль? К чёрту этих павлинов!

* * *

Из объятий Морфея Ольгу Ивановну вырывает звонок в дверь.

– Кто там? – рявкает она, прикрывая тем самым свою сонливость. По ту сторону двери тишина. В темноте она тянется к шкафчику рядом с зеркалом: где-то там должен быть фонарик. Как назло во всём доме нет электричества! Минутку она шарит внутри железного ящика, вот ты где! Щелчок, и желтоватая воронка света освещает деревянную дверь.

– Кто там?

– Это я, Сергей. Ольга Ивановна, входная дверь закрыта, а у меня ключа нет. Не могли бы вы мне её открыть?

Мгновение она в замешательстве: голос вроде бы действительно его. Но что он здесь делает так поздно?

– Сейчас, – ответит она через дверь, заворачиваясь в зимнее пальто.

– Большое вам спасибо! Даже не знаю, что бы я без вас делал, – жмурится он, ослеплённый фонариком Ольги Ивановны. – Мне в доме никто не открывает. Темно, вот люди, наверное, и боятся. Я-то не знал, что на ночь электричество отключат, пошёл к отцу прибраться, там бардак такой! Ну вот, я убираюсь, уже почти всё прибрал, вдруг слышу такой щелчок и темнота как в могиле.

Ольга Ивановна направит свою светящуюся указку на лестницу:

– Ну пойдём, холодно здесь.

Уже молча Сергей вместе с ней спускается вниз на первый этаж. Связка ключей в левом кармане кажется Ольге Ивановне невыносимо тяжёлой, она тянет её к земле, будто заставляя хромать на ту ногу... Она выпустит Сергея в слякотную ночь, тщательно закроет за ним дверь на замок, но нечаянно связка выскользывает из её рук. Ольга Ивановна рыщет фонариком под ногами, но так и не может её найти. Этого ещё не хватало... Она проклинает про себя свою нерасторопность и позднего гостя. Вот ты где, паразитка! Ключи каким-то необъяснимым образом скатились до середины лестницы, ведущей в подвал. Она наклоняется за ними, и тут её озарит: надо идти посмотреть вниз. То, что ни маленький Миша, ни дворничиха ничего не нашли, ещё ничего не значит. Она метр за метром с фонариком всё пройдёт и обязательно что-нибудь да найдёт, какую-нибудь зацепку! Она направляется к коморке с мусорными баками. Пара шагов, и она уже у них. Один из баков переполнен мусором, и при свете фонарика она видит, что там что-то блестит.

Сделав шаг и уже практически ступив на землю, она чувствует что-то мягкое под ногами. Что за...?

– Мьяяяя!

Ольга Ивановна подсакивает в кресле. Недоумённо глядя на включённый экран телевизора, она какое-то время приходит в себя. И всё ещё это неприятное чувство под ногами и режущий уши рёв кошки.

Она выключит телевизор и чуть неуверенной походкой идёт закрыть окно. Из темноты двора раздаются те самые кошачьи завывания, которые, видимо, и прокрались в её сон. Она всегда немного побаивалась этих похожих на детский плач звуков, вот и сейчас на руках у неё забегали мурашки. С силой надавливая на оконную раму и пытаясь как следует закрыть окно, она вдруг осознаёт одну вещь. А ведь всё это уже было! Да, это было совсем недавно. Всё точно так же, как сейчас! Посреди ночи в полудрёме она закрывала окно: её разбудил какой-то шорох. Как же это было... Она никак не может вспомнить... Эх, головушка!..

* * *

– Оля, подожди меня! – издалека машет ей Николаевна и прётся ей навстречу. «Только не сегодня», – про себя застонет Ольга Ивановна и обречённо поставит на землю сумку с рабочей одеждой.

– Мне нужно тебе что-то сказать! Я ещё кое-что вспомнила! – задыхаясь, сложив руки на груди, хрипит она.

– Серьёзно? – И почему эта женщина всегда вызывает у неё такие неприятные чувства? Вроде никаких проблем с ней не было, всегда друг с другом как-нибудь да ладили. Вот именно... как-нибудь. А эти вульгарные жесты, этот хамоватый душок...

– Ну! Перед тем, как Петровича-то нашли того... – Ирина Николаевна изобразит покойника, – на лестнице такой беспорядок был. Грязь везде, – рукой покажет около себя. – Ну знаешь, как вот от подошвы отваливается, когда копаешься где-нибудь на грядках или когда дождь сильный пройдёт.

– И ты думаешь, что это имеет какое-то отношение к подвалу? – с сомнением спрашивает Ольга Ивановна.

– Да как пить дать! У меня ведь лопата пропала. Из подвала! – уже интересно. – Она, выходит, всё это время на улице валялась – вся ведь ржавая была, когда я её нашла. Металлолом один, понимаешь? – Ирина Николаевна медленно расплывается в победоносной улыбке, её распирает от гордости за саму себя, ещё чуть-чуть и она лопнет как готовое зёрнышко поп-корна. Наконец-то и Оля видит, до чего она полезна и нужна!

– Ну а кому, как ты думаешь, она понадобилась?

– Да это проще простого! Торгашкин Миша видел этих двух дедуль, а когда ничего не нашёл у мусорки, искал во дворе! – протараторит она на одном дыхании.

– Ага, это полезная информация, Ирина. Спасибо тебе, я об этом подумаю, – разочарованно скажет Ольга Ивановна и наклонится к сумке. Если бы Миша что-нибудь нашёл, давно бы уже маме всё рассказал. Разве такой балабол может сохранить в тайне загадку белого павлина? Это исключено. А лопатой бы этой скорей только поранился. Вся эта Иринина история яйца выеденного не стоит.

– Будешь завтра дома? – вопрос Ирины Николаевны обращён уже к спине Ольги Ивановны. – Если вдруг что ещё вспомню...

Ольга Ивановна устало кивнёт и не говоря ни слова уходит. В этот момент она мечтает лишь об одном: наконец-то как следует выспаться.